№1
(1726)
2024

ПОСЕВ

НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВДЕ

100 лет со дня смерти Владимира Ильича Ульянова (Ленина)

январь – февраль

Дмитрий Соколов

И белый, и красный

[Рец. на кн.:] *Ганин А.В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащёв-Крымский. М.: Фонд «Русские Витязи», 2021. — 256 с.*

Вероятно, ни один из военных деятелей российского Белого движения, оперировавших на Юге России в годы Гражданской войны, не удостоился столь эмоциональных и противоречивых оценок, как генерал-лейтенант Яков Слащёв-Крымский.

Офицер Русской Императорской армии, преподававший тактику в Пажеском корпусе; участник Первой мировой войны; активный и бескомпромиссный борец с большевизмом и разложением в белом тылу. Руководитель обороны Крыма зимой 1919–1920 годов. Военa-

чальник, отличавшийся крайним бесстрашием и презрением к смерти, имевший многочисленные ранения.

Мужество, храбрость и героизм генерала при этом сочетались с неуравновешенностью и экстремальной жестокостью не только к противнику, но и к своим.

После недолгого периода пребывания на чужбине Я. Слащёв совершил поступок, который не нашёл понимания не только среди эмигрантов. Возвращение генерала в Советскую Россию не приняли и рядовые участники Гражданской войны на стороне красных, что лично испытали на себе его методы.

Личность Я. Слащёва стала прообразом генерала Романа Хлудова в пьесе Михаила Булгакова «Бег», по мотивам которой в 1970 году был выпущен одноимённый советский художественный фильм.

Мемуарное наследие Якова Александровича и сегодня остаётся востребованным для всех, кто интересуется Гражданской войной в России. Следуя традиции своих фанатичных предшественников, нынешние апологеты советской системы, левоориентированные публицисты и блогеры обращаются к выдержкам из воспоминаний бывшего белого генерала, показывая «историческую обречённость» противников большевизма. Методы Я. Слащёва, которыми он наводил порядок в тылу, красные и их современные симпатизанты приводят в качестве одного из наглядных и очевидных примеров организованного насилия со стороны российской контрреволюции.

К воспоминаниям генерала обращаются и те, кто придерживается принципиально иной точки зрения на события «Русской Смуты». Несмотря на тенденциозность и ангажированность, мемуары Я. Слащёва содержат много ценной информации о ситуации в Белом Крыму, и при сопоставлении с другими источниками их ценность несомненна.

Неоспоримо: в личности этого, без сомнения, яркого военного деятеля, точно в капле воды, отразилась самая суть трагических и переломных событий, выпавших на долю российского офицерства.

Биография Я. Слащёва привлекала внимание многих исследователей. Но, несмотря на обилие публикаций, посвящённых этому военачальнику, комплексной работы о нём написано не было.

Восполнить этот пробел помогает выпущенная в 2021 году монография «Белый генерал и красный военспец Яков Слащёв-Крымский» доктора исторических наук Андрея Владиславовича Ганина, автора множества публикаций, посвящённых истории офицерского корпуса русской армии, Генерального штаба и казачества, Гражданской войны.

Основу исследования составили документы, хранящиеся в архивах пяти стран: Грузии, России, США, Украины, Франции. Подавляющее большинство из них впервые вводится в научный оборот. В работе над книгой также использовались музейные фонды и ранее опубликованные источники (воспоминания, сборники документов) и материалы научных работ.

При этом, отмечает автор, настоящее издание не является исчерпывающим. Необходимо дальнейшее изучение боевых операций, в которых участвовал генерал, а также «систематическая проработка периодической печати Юга России периода 1918–1920 годов на предмет выявления в ней публикаций о Слащёве». Ряд материалов о нём продолжает оставаться закрытым. Их рассекречивание, несомненно, позволит иначе взглянуть на некоторые аспекты жизненного пути генерала.

На наш взгляд, автор блестяще справился с поставленной перед ним сложной задачей. Проделав поистине титанический труд, он воссоздал биографию Я. Слащёва от появления на свет в декабре 1885-го до трагической гибели в январе 1929 года. Насколько это было возможно, А.В. Ганин отразил основные этапы жизни военачальника, его становление как личности и как офицера.

На формирование негативного образа генерала, без сомнения, оказали значительное влияние такие особенности его личности, как эксцентричность, взбалмошность, неуравновешенность, конфликтность, жестокость. Эти отрицательные свойства характера усугублялись неврастенией, развившейся вследствие постоянного пребывания (начиная с

Первой мировой войны) в обстоятельствах, когда каждый новый день мог стать для Я. Слащёва последним, а также недолеченных ран. Именно здесь следует искать корни тех пагубных пристрастий (алкоголизм, наркомания), приобретённых в период Гражданской войны.

Война была его стихией. Вследствие этого «у генерала выработалось лёгкое отношение как к собственной, так и к чужой жизни». Талантливый тактик, специалист по маневренной войне, военачальник суворовского типа, за время участия в Белом движении Я. Слащёв

> *сделалголовокружительнуюкарьеруотгвардейского полковника до генерал-лейтенанта, от командира полка до командира корпуса, от одного из тысяч безвестных офицеров до диктатора Крыма и претендента на лидерство в белом лагере Юга России. Не обладая широким политическим кругозором, но будучи человеком крайне честолюбивым и не чуждым позёрства, он стремился сыграть заметную роль. И действительно сыграл, продлив Гражданскую войну на Юге России более чем на полгода и обеспечив саму возможность возникновения врангелевского Крыма.*

В этой связи следует особенно отметить раздел монографии, в котором проанализирована жестокость генерала Я. Слащёва, проявленная вне поля брани. Вне всяких сомнений, военачальник был скор на расправу. И не всегда эти действия были обусловлены прагматизмом. Некоторые эпизоды, которые вменяют в вину генералу, явно свидетельствовали о его психическом нездоровье.

Вместе с тем в подавляющем большинстве насилие, совершаемое по приказу и при личном участии Я. Слащёва, имело свою страшную логику. Так, в советской литературе широкое освещение получила казнь 61 человека из числа большевиков и сочувствующих, которая произошла в ноябре 1919 года в Николаеве. Этот эпизод зафиксирован в целом ряде мемуарных источников. Вместе с тем, очевидно, что казнённые в основном не были безвинными жертвами. Это были активные противники белых, которые занимались подпольной работой и всячески дестабилизировали деникинский тыл. Подполье имело своих людей в белой контрразведке, градоначальстве, государственной страже, телеграфе, комендантской команде и даже в Осведомительном агентстве. Через легальные структуры схваченных и заключённых в тюрьму коммунистов и красноармейцев обеспечивали продуктами. Предполагалось даже осуществить покушение на самого Я. Слащёва.

Таким образом, расправа над николаевскими левыми радикалами была экстремально жестоким, но всё же ответом на вполне конкретную деструктивную деятельность, которую осуществляли приговорённые.

Суровую логику также имели расправы, производимые в ходе подавления попыток восстаний.

И всё же наибольшую известность получила репрессивная деятельность, осуществляемая Я. Слащёвым в Крыму. Она характеризовалась высокой степенью произвола, вызывала протесты общественности и критику со стороны других белых военачальников. Отдельные эпизоды, вроде расстрела в марте 1920 года командира Крымско-Татарского полка войскового старшины Леонида Протопопова, даже стали поводом для расследования.

Однако даже в своих наиболее вопиющих проявлениях расправы, совершённые по приказу генерала, не могут быть поставлены в один ряд с массовым красным террором, который захлестнул полуостров после окончательного установления советской власти в ноябре 1920 года. Как справедливо отмечает автор: «Всё познаётся в сравнении».

Магистральной целью репрессий, проводимых генералом Я. Слащёвым, всё же была борьба с реальной угрозой в лице большевистского подполья, а также наведение порядка в тылу и на фронте. Наказывались и лица, которые совершили общеуголовные преступления.

Эти методы показали свою эффективность. Во многом благодаря своему жестокому курсу по противодействию подрывной деятельности, осуществляемой большевиками и другими левыми радикалами, генерал завоевал популярность.

При этом Я. Слащёв «не был бездушной машиной террора, а в боях порой проявлял и благородство к противнику». В монографии приводится эпизод его лояльного отношения к рядовым красноармейцам, которых он спас от расправы. Несмотря на многочисленные случаи произвола, генерал демонстрировал приверженность порядку и законности. Известен его приказ о передаче трофейного имущества межведомственной реквизиционной комиссии. Тем самым Я. Слащёв стремился предотвратить его расхищение.

В монографии А.В. Ганина огромный интерес вызывают разделы, в которых проанализирован жизненный путь после возвращения генерала в Советскую Россию. В этот период Яков Александрович проявил себя сразу в нескольких ипостасях: и как преподаватель тактики для командиров РККА, и как мемуарист, и… как секретный агент ОГПУ.

Сотрудничая с чекистами, бывший белый генерал участвовал в провокациях против бывших своих однокашников и соратников по борьбе с большевизмом, сообщая об их нелояльности.

Таким образом, после возвращения в Советскую Россию Я. Слащёв даже если и имел намерение взорвать большевистский режим изнутри, совершив военный переворот, то реальность сложилась иначе.

> *Наоборот,* — **отмечает А.В. Ганин,** — *большевики сумели заставить работать Слащёва на себя. Возвращение генерала было широко использовано советской пропагандой для разложения белой эмиграции. Сам Слащёв оказался в максимально позорном для кадрового офицера и врага большевиков положении — он не только рекламировал, скорее всего, чуждые ему идеи, но был вынужден стать тайным осведомителем ОГПУ и доносить на своих же товарищей. Более того, некоторые последовавшие его примеру и вернувшиеся в Россию белые офицеры (например, князь Д.Д. Тундутов) поплатились за это жизнью.*

Бесспорно, Я. Слащёв искренне любил Россию и не видел себя вне её. Ради этого он и вернулся на Родину.

Вместе с тем, очевидно, что в долгосрочной перспективе у генерала не было будущего. Даже если бы он счастливо пережил покушение, с высокой степенью вероятности он стал бы жертвой репрессий, которые проводились ОГПУ в 1930–1931 годах против военспецов (так называемое «Дело “Весна”» или «Гвардейское дело»). А в случае, если бы ему удалось уцелеть, его однозначно не обошёл бы стороной маховик сталинского Большого террора конца 1930-х годов.

Жизнь и судьба этого неоднозначного, но, без сомнения, харизматичного военного деятеля является красноречивым примером трагедии, выпавшей на долю российского офицерства после крушения монархии и поражения белых в Гражданской войне. В условиях, когда прежние устои перестали существовать, а новая государственность не доверяла даже наиболее лояльным из них, бывшим офицерам приходилось делать крайне непростой выбор. При этом любое принятое решение не было безупречным.

Труд А.В. Ганина не только воссоздаёт жизненный путь одной из наиболее ярких и противоречивых фигур в Белом движении на Юге России, но и подробно рассказывает о жизни страны и её Вооружённых Сил в переломное для них время.